

Елена Балашова

ВЫСОКИЙ СВЕТ

Писательская организация
Кострома, 1997

ПО ПРАВУ СОВЕСТИ

Помню, как вошла в большую литературу Ольга Фокина. Вошла и поразила всех. Поразила и осталась в русской литературе как поэтесса глубокого чувствования, сердечной боли по уходящей в небытие прошлой жизни деревни, как пронзительная и печальная мелодия северной Руси, как единственная интонация в мире.

Вот ведь можно было входить в нашу литературную жизнь при доброжелательстве и внимании «Нашего современника», «Молодой гвардии», «Москвы», и даже «Литературная газета» и «Октябрь» могли оскорбиться и напечатать Ольгу. Нынче же «заметить», «обозначить», «поддержать» — это вроде бы журналов и различных изданий не касается... Деньги есть — может быть, и заметят поэта, денег нет — поэт пишет для себя. Наконец-то: искусство — для искусства. А вдруг все вместе снова, всеми союзами, многими журналами начнем замечать. Не верится, но хотелось бы. Ну не может же красота уходить просто так, в эфир.

На «солнечной поляночке» в Вязниках в 1995 году отмечался очередной Фатьяновский праздник. Выходили поэты этих центральных областей России (Владимирская, Ивановская, Калужская, Нижегородская, Тульская, Костромская, Ярославская) и читали стихи. И все больше и больше нарастало чувство беспокойства за Москву. Почему она живет своей жизнью, своим взглядом, своей литературой потусторонне, а Россия — своей? Тут продолжают лелеять старые ценности: Бог, Отечество, Совесть, Дружба, Душа, Песня, Дом. Об этом то и стихи Алексея Фатьянова. Вот его давно нету, а песни поют. Ушли из жизни и передовые, орденоносные, лауреатистые поэты его времени, их и забыли, а песни Алексея — поют. Вот и премию его имени Всероссийскую фатьяновскую устанавливаем. А орден-то вручили посмертно, на празднике, считай, для музея. Как бы замечать пораньше, отмечать писателя при жизни — гляди, он бы еще одних бессмертных «соловьев» выпустил в мир.

И вот в этом истинно поэтическом сиянии праздника своей тихой мягкостью и непреклонной верностью извечным русским святыням поразила Елена Балашова. Вышла незаметно, прочитала негромко, и сразу захотелось многим повиниться перед деревенскими кладбищами,

доживающими свой век стариками и старухами, обрадоваться веточке черемухи в стакане, зажечь тонкие свечи и спеть вместе хором. Что за чистый, печальный (ну а какой же нынче может) появился поэт на Руси! Да и где? В городе Чухломе! Вот уж ерничества по поводу названия города на разных тусовках было. По самым придиричивым «демо»-меркам, самая глушь, самая необразованность. Вот Швейцария с ее аллеями, дорожками и, главное, банками — это образец! Честно, я бы завидовал Швейцарии (приходилось пользоваться ее дорогами), если бы там были поэты такой родниковой чистоты, как Елена Балашова. Не мешало бы и в Чухлому банк понадежней, но где его возьмешь с нашими богачами, они тащат денежки в Швейцарию. Потом будут тарашиться, как на Фатьянова: «Надо же, такой поэт вырос и где?»

Действительно, Чухлома ничуть не меньше по духу своему значит, чем какой-нибудь Канзас, Нант и Штутгарт. У нее и история знаменитая, и природа вокруг чудесная, а люди, может быть, и не столь юркие, но удивительно сердечные, искренние и добрые.

Ах, тротуары деревянные —
Провинций прелесть и отрада!
Здесь гостю званому, незваному
Всегда и всюду будут рады.

5

нежность, радость и грусть в душе с годами потускнеют. Она ищет и находит!

Мы произносим «лепота»!
И замираем — слов не надо.
Где та незримая черта,
Где та высокая преграда,
Что словеса пустые вмиг —
Души ненужную половину —
Отделит, и — раздастся крик,
И, может быть, родится Слово?..

Задумываюсь вот над чем, читая ее стихи. Нынешняя «демократия» лишила себя поэзии, она лишила себя сострадания. Она страдает только себе и своему богатству. Сколько примеров, стенаний Запада и иже с ним по поводу невыезда из СССР, по поводу «прав человека», по поводу... по поводу... Но, оказывается, все это — прикрытие собственных торгашеских и захватнических планов. Лгал Запад Богу! Лгали и наши актеры от демократии. Сменили одежды, сменили обложки... Так, словно живут не всерьез — понарошке. Сменили названья, идеи и штаты, Однако же прежней осталась расплата. Расплата за кровь, за измену проста Иудам, предавшим народ, как Христа. И пусть они снова одежды меняют — И через столетья их снова узнают.

7

Ходишь с поэтессой и удивляешься:

Здесь расписные все наличники.
На удивленье, кошек много.
Здесь разговоры все привычные —
Не говорят высоким слогом.

В центре уделяют внимание мировым проблемам, подсчитывают валюту, измеряют высоту Эвереста, едут открывать дальние острова. А в провинции:

Здесь даже лужи пересчитаны,
Лицо у каждой есть и слава.
Здесь чудеса такие виданы —
В столицах не увидишь, право!

В этой часто «забытой и родной провинции» ей многое мило, она не может быть вне ее.

Какую силу
Сумел в мою он душу влить —
Мой край, застенчивый и милый, —
Что без него — ни петь, ни жить?!

Она и зовет к этим птицам, листопадам, забудкам, к этим старикам и старухам, к этой все видящей, все понимающей и неуничтоженной Руси. Елена ощущает «божественную сладость слова», постигает молчание природы, боится, что

6

Но пусть не покажется, что Балашова — поэтесса публицистического склада (достаточно этих строчек, чтобы понять — она лирик: «Веточка черемухи в стакане — сердца немудреная услада. Ни чинов, ни почестей, ни званий — больше ничего ведь и не надо»). Но она не может пройти мимо боли человеческой, мимо страдания народного. Она должна всем! Нет, наверное, не толстосумам и отступникам, не изменникам и бандитам, их она обличает, хотя и вызывает к возможному состраданию. Она обращается к милым, добрым, усталым, но надеющимся на лучшее людям. Она вызывает к жизни красоту, обращает на нее наше внимание с помощью своего слова. Она страдает, думает, молится за нас. Она шлет весть, надежду человеческим сердцам. И эта Со-Весть делает ее совыразителем народной души. И мы чувствуем, что Елена Балашова — поэтесса по праву совести.

Валерий ГАНИЧЕВ
«Литературная Россия» — 27.10.95 г.

8

* * *

Я все приму за чистую монету
И чистой монетой заплачу
За бескорыстие доброго совета,
За милосердие — даже палачу,
За равнодушие тайную лукавность,
За одинокий вечер на земле
И за свое священнейшее право:
Бумаги лист и ручку на столе.

* * *

И наступила тишина,
И в этой тишине
Струилась солнечно стена,
Шмель бился на окне,
И было просто так понять,
Что нет земли милей,
И сладко было услышать
Согласье журавлей.

9

* * *

Церковь полуразрушенная,
А над нею — стрижи.
Чьими-то древними душами
Стая птичья кружит.
Милое, полузабытое,
Что я в душе таю?
Мне бы стоять ракитой
В этом глухом краю.

* * *

Приснись мне запахом сирени
Под майским ливнем молодым.
Приснись строкой стихотворенья
Иль горьким вкусом лебеды.
Приснись отчаянно тревожным
В окно впорхнувшим ветерком.
Приснись до боли невозможным,
Всего в три строчечки, письмом!

11

ДЕРЕВНЕ

Забытая всеми, хранимая Богом,
Ты в сердце моем, как звезда.
Как к Риму, к тебе все пути, все дороги,
Бессонные все поезда.

И к отчему вновь припаду я порогу,
И сердце в груди, как набат.
Как к Риму, к тебе все пути, все дороги,
И нету дороги назад.

МОЛИТВА

Когда узнала я сама
Отчаяние смертной муки,
Когда еще была нема,
Но прорывались к горлу звуки,
Скажи: кто дал мне испытать
Божественную сладость Слова?
Не дай же, Боже, замолчать,
Чтоб испытать те муки снова!

10

* * *

Белая лошадь, зеленый луг,
Сумерек звон мне снится...
Босая — по теплой земле бегу.
Что-то должно случиться.

Что-то должно... Сейчас! Сейчас!
Сердце, так громко — не надо!
Чуткий и умный, косится глаз —
Тревожно под этим взглядом.

Белая лошадь. Зеленый луг.
Сумерки... Сон ли это?!.
Босая — по теплой земле бегу.
Еще далеко до рассвета.

Еще успею, еще смогу
На белом коне — как птица!
Босая — по теплой земле бегу...
Что-то должно случиться!

* * *

Скоморошничать? Лгать? Притворяться?..
Быть сильнее себя — не могу.
Так хочу я теперь повалиться
На зеленом, на мягком лугу!

12

Облака чтобы легкие плыли
Над усталой моей головой,
Чтобы ласточки небо чертили,
Чтобы пахло землей и травой.

Голос солнечный в сердце подслушать,
Засмеяться счастливо, легко...
Если правда, что есть где-то души, —
Не ищите мою: высоко!

ОТТЕПЕЛЬ

В день сумрачный сырого февраля
Вдруг затоскуешь черною тоскою
О том, что утром звонкая заря
Не вспыхнула над спящею рекою.
О том, что с крыш — не вовремя! — капель,
Что хочется февральской дикой вьюги,
Чтоб снег, как вор, вползал в любую щель
И предлагал бы зимние услуги,
Чтоб кошка размурлыкалась — к теплу —
На жаркой печке вечером домашним
И чтобы пах оттаявший тулуп
Полузабытым, сладостным, вчерашним...
Но день сырой ползет едва-едва,
И лень пошевелить рукою даже,
Чтоб записать ненужные слова,
Которые сырой февраль подскажет.

13

15

* * *

Кукушкины слезы, кукушкины слезы,
Высокие травы, гремучие грозы
Да запах берез, да ромашки в лугах,
Да свежесть травинки на юных губах...

Кукушкины слезы, гремучие грозы
Да первые тайные девичьи слезы,
Да радость рассветов, да нежность закатов...
Куда же ты, детство?

Куда ты?

Куда ты?..

14

* * *

Когда это было — не знаю,
В какие такие года
Цвели все черемухи в мае,
Звенела и пела вода...
На веточке юного клена
Скворец о любви распевал,
А где-то мальчишка влюбленный
Стихи вдохновенно читал.
И женщина, май вспоминая,
До света уснуть не могла...
Когда это было — не знаю,
В какие такие года?..

* * *

И хвалила, и ругала
Так по-доброму, легко.
Из колодца доставала
Ледяное молоко.
Наливала с верхом кружку,
Говорила: «Крепче пей!..
Да совет-то мой послушай:
Будь немножко посмелей.
Люди — ведь на то и люди.
И помогут, и поймут...
Поругают и осудят,
Ан — до сути и дойдут...»

16

* * *

Мне одиноко здесь. Снега
Лежат нетронутой страницей.
Грустят промерзшие стога,
Да бродит рыжая лисица.

Но в синий сумеречный час
Здесь тишина полна тревоги.
И снова думаю о Вас,
И вижу дальние дороги.

* * *

Ветер летит сквозь поля и луга,
Ветер в ушах поет.
Как хорошо по земле шагать,
Видеть, как солнце встает,
И у оврага, где спит бурьян,
Где тянет паук нить,
Живой, пречистой — от смертных ран, —
Звонкой воды испить!

17

С черемухи снег отряхая,
Они беззаботно стрекочут,
И зимняя стужа лихая
Напрасно, конечно, хлопочет.

Под теплыми пальцами тают
Ее ледяные владенья,
И снова цветы расцветают
На этих обоях весенних.

В САДУ

Давай с тобою выйдем в сад,
Давай-ка выйдем в сад...
Какие белые весной
Деревья там стоят!

Как нежен, невозможно чист
Там каждый лепесток!
Там ты скворца услышишь свист —
Поэзии исток.

Давай-ка просто помолчим,
Давай-ка помолчим...
Ведь к болтовне там нет причин,
Там нет совсем причин.

19

* * *

Летучей паутинки нить
Сверкнула в воздухе и — нету.
Я воздуха хочу испить,
Как влаги из колодца летом,
Чтоб даже заломило лоб
От свежести его хрустальной.
... И пахнет высохший укроп
Шуршащей сказкой тайных троп
И осени красой прощальной.

* * *

Под теплыми пальцами тают
Прозрачные льдинки на стеклах,
И снова цветы расцветают
На этих обоях поблеклых.

И снова дыханьем весенним
Сквозь стужу великую — снова! —
Прозрачные детства виденья
На помощь явиться готовы.

Обманывать сердце не смею:
Всему свое время и сроки.
Но грусть мою нынче развеют
Мои голубые сороки.

18

Замри — и слушай, и смотри,
И слушай, и смотри...
А понял что — не говори,
Смотри, не говори!

* * *

Помню откос ромашковый,
Яростно пахнет полынь...
И облака барашками,
И неба над нами синь.

Что мне в этом мгновении?
Память зачем хранит
Иволги нежное пение,
Вздохи тревожных ракит?

Не было это, было ли —
Сама не могу понять...
Помню до боли милую
Легкую благодать.

20

* * *

Как же душу рассказать словами?
 Вновь решаю старую задачу.
 В детстве было: прижималась к маме...
 Мама все поймет, о чем я плачу.
 Будет мне спокойно улыбаться,
 Раскрывая добрые объятия.
 Я теперь к земле хочу прижаться,
 Словно в детстве — к маминому платью.

* * *

Девочка весенняя, земная,
 Что в моей ты значила судьбе?
 Девочка, да разве ты не знаешь:
 Эта жизнь — труднее и грубей?..

Девочка — голубенькое платье
 И улыбка чистая, как взгляд, —
 Никогда не стану упрекать я
 За наивный, детский твой наряд.

Девочка, в глазах моих — не слезы,
 Это из твоих лесов роса.
 Слышишь? — то шумят твои березы.
 Слышишь? — то поют твои леса.

А девочке хотелось танцевать,
 Но ей не разрешали. Говорили,
 Чтоб не мешала. Вздрагивали крылья.
 Иль руки тонкие?.. И — падали опять.
 А девочке хотелось танцевать!
 Все в ней светилось музыкой и небом...
 А ей твердили: «Ешь котлету с хлебом.
 Учись себя вести, прямее сядь!»
 Но — разрешите ей потанцевать!
 Но — дайте волю ей (нужна свобода птице)!..
 И в лебеда утенок превратится,
 И вас научит девочка летать.

* * *

Прост этот дом и просты слова.
 Вечер черемуховый весенний...
 Кружится, кружится голова,
 Кружится комната, кружатся сени...

Если ты хочешь, пойдём гулять
 Или давай посидим у окошка.
 Не поправляй только эту прядь.
 Я беспорядка хочу немножко.

Девочка весенняя, земная,
 Имя мне свое не говори.
 Эхо не тебя ли окликает
 Из весенней розовой зари?

* * *

О майский вечер в городке,
 Где петухи поют,
 Где все тебя накоротке
 На «ты» давно зовут,
 Где лютик — полевой цветок —
 На площади расцвел...
 О среднерусский городок,
 Ты в сердце мне вошел!
 Вошел привычно, как сосед:
 «Давай покурим, брат!..»
 О майский соловьиный бред
 И белый-белый сад!
 Три месяца всего лишь здесь,
 А кажется — сто лет.
 Какая сладостная весть —
 Твой соловьиный бред!

* * *

Сердце часто так забилось.
Отчего я вдруг смутилась?
Улыбнусь смущенно: «Что вы!»
Подниму листок кленовый.
Как за темную вуаль,
За осеннюю печаль
Глаз своих сиянье спрячу.
Разве это что-то значит?
Отчего дрожат так губы?..
Подниму листочек дуба.
Вот и все. Готов букет.
Не узнаешь мой секрет!

* * *

Бабье лето.
Пора-то какая!
Журавлиная песня души.
Плат небесный по самому краю
Журавлиной строкою прощит.
Бабье лето...
Рябиновой кистью
Лес раскрашен и ветром продут.
Ах, какие прозрачные мысли,
Как вода между пальцев, текут!..

25

* * *

Я жила, сомневаясь и мучаясь,
Но опять и опять, и опять
Милой родине — самую лучшую! —
Часть души я готова отдать.

Не надсадно, не с болью, не с вызовом —
С тихим трепетом. И — до конца.
Перед светлой своею отчизною
Никогда я не спрячу лица.

И в сомненьях своих, и в смятеньях
Я одна, я сама разберусь.
Лишь души своей жар и горение
Я отдам тебе, светлая Русь!

26

СТИХИ СЕБЕ

Запах сосновый от новых досок,
Запах сосновый.
Кто твою душу простую берег
В чаще лиловой?

Озеро. Там, вдалеке, монастырь.
Шелест осоки.
Кто нашептал позабытую былль
Лет тех далеких?

Сердце встревожит простая печаль,
Запахи лета.
Что же ты плачешь? Чего тебе жаль?..
Нету ответа.

ИЗ ДЕТСТВА

Мгновенья счастливые перебирая,
Помню, все помню, забыть не могу,
Как по тропинке бегу я — босая,
Босая, маленькая, — бегу.

Мама мне сшила новое платье,
Новые ленты в косы вплела.
Счастье еще так по-детски внятно...
Еще и черемуха не цвела...

27

28

33

И впереди — брожение дней,
Тревожных, яростных, кипучих...
«Спасибо, — я шепчу зиме, —
За то, что нас молчанью учишь,

За царственную тишь земли,
За светлое раздумье это...»
Снега глубокие легли.
Душа не ими ли согрета?..

* * *

Осыпается иней с деревьев
Под стайкой щебечущих птиц.
Я в церкви, пустынной и древней,
Послушаю чтение страниц —
Бессмертных и вечных, как небо, —
И выйду навстречу звезде...
За корку насущного хлеба,
За свет — благодарна Тебе.
Искрящейся пылью сверкает
Весь воздух под юной луной.
И как благодать принимаю
Я хлеб мой насущный земной.

35

* * *

Снегопады, снегопады...
Хоть чуть-чуть меня порадуй:
Письмецо мне напиши
Не от скуки — от души.

Не напишешь, не напишешь...
Белый снег лежит на крышах,
Под ногами снег скрипит,
И земля под снегом спит.

Да и я давно забыла,
Что весной когда-то было.
Не пиши письма, не надо.
Снегопады, снегопады...

* * *

Легли глубокие снега
И звуки все
в себя впитали.
Молчат леса, молчат луга.
Молчат, светло и чисто, дали.

Легла большая тишина
Великой свежестью на душу,
И где-то впереди весна,
Что эту тишину нарушит.

34

* * *

Внесли дрова с мороза,
У печки положили
И запахом березы
Мне голову вскружили.

Так пахло чем-то чистым
И чем-то светлым очень,
Что показалось: листья
Проклюнулись из почек.

А после пламя билось,
Как листья, золотое,
И ночью что-то снилось
Мне светлое такое...

* * *

Вторые сутки ветер свищет,
От ветра вздрагивает дом.
В душе царит такой содом,
Что не найти того, что ищешь.

Из дома высвистав уют,
Несется ветер оголтелый.
Душа, чего же ты хотела?
Здесь всё задаром отдают.

36

Ненужный хлам во всех углах
Валяется в холодном доме
Напоминая о погроме,
О том, что кто-то впопыхах

Искал, метался, рвал, спешил,
Не находя того, что ищет.
Вторые сутки ветер свищет,
А кто искал, тот сам забыл:

Чего искал, зачем?.. Лишь ветер
Ему напомнит, может быть,
Что в доме следует топить,
Коль ты за этот дом в ответе.

* * *

Есть одиночество лесное,
Когда лишь ты да лес вокруг,
А в сердце — благодать покоя.
Ни боли, ни тоски, ни мук...

Когда, внимая листьев шуму,
Легко шагать хоть сотню верст
И думать все простую думу
Среди осинок да берез.

37

Земля родная! Я припадаю
К тебе, и, землю свою целую,
Я все отчетливей понимаю,
Зачем так сердце мое тоскует.

Все в этом мире, наверно, тленно.
Нетленны только душа и слово.
Перед тобою склонив колени,
Я плачу снова,
я плачу снова...

* * *

Хлеба и зрелищ!
(Клич римской черни
при императоре Августе)

«Хлеба и зрелищ! Зрелищ и хлеба!»
Господи, нет больше сил!
А надо мною — высокое небо,
Скорбная память могил.

«Хлеба и зрелищ!» — Господи, Боже!
Замерли стрелки часов.
Я ощущаю всей кровью, всей кожей
Грозную память веков.

39

Но есть еще, я это знаю,
То одиночество души,
Что среди толпы вдруг настигает,
А не в таинственной глуши.

И нет печальней испытанья —
Быть одиноким среди людей.
Так в пропасть жуткую заглянешь
И — отшатнешься поскорей.

Еще дрожат пока колени,
Холодный выступает пот...
В душе, охваченной смятеньем,
Из пепла новый мир встает.

* * *

Я разучилась рыдать от горя.
И от обиды — уже не плачу.
И, если истину знаю в споре, —
Слова напрасно теперь не трачу.

Наверно, стала умней немного,
А может, это приходит зрелость.
Но мне всегда перед дальней дорогой
К земле губами прижаться хотелось.

38

СТАРУХА

Сгорбленная, старая, худая...
«Сколько же тебе, бабуся, лет?»
«Отгадай-ка, если отгадаешь...»
«Ну, пожалуй, это не секрет.
Восемьдесят?»

«Ан — не отгадала.
Лишних мне добавила годков.
Зубы-то давно я растеряла...
Семеро их было — едоков.
Ребятишек подняла, однако.
О себе-то думать недосуг.
Не вздохнуть — не то чтобы поплакать.
И ни ног не чуешь, и ни рук.
Так вот и катилися годочки...»
Помолчала старая.

«Ну, что ж,
Даст тебе Господь здоровья, дочка, —
Ты свои счастливей проживешь».

40

41

В ЧУЖОЙ СЕМЬЕ

Был муж сердит и очень строг.
 Ведь он, привыкший к постоянству,
 Земным умом постичь не мог
 Души высокое пространство.
 Земное холил бытие,
 Не знал безумия и страсти.
 Но не жалейте вы ее:
 Она-то знает цену счастью.
 Она-то знает неуют,
 Как в клетке трепетная птица.
 Здесь никогда не запоют
 Вдруг под ногами половицы.
 Сиянья чистых детских глаз,
 Как беспорядка, здесь не встретить.
 Здесь все найдется «про запас»,
 Но даже легкокрылый ветер
 Стихает, если за порог
 Ворвется невзначай однажды.
 И даже кот здесь одинок,
 Такой большой и очень важный.
 Здесь и бессмертие порой
 Пересыпают нафталином,
 И жизнь здесь кажется игрой —
 Такою скучною и длинной.

43

* * *

Ах, тротуары деревянные —
 Провинций прелесть и отрада!
 Здесь гостю званому, незваному
 Всегда и всюду будут рады.

Здесь расписные все наличники.
 На удивленье, кошек много.
 Здесь разговоры все привычные —
 Не говорят высоким слогом.

Здесь даже лужи пересчитаны,
 Лицо у каждой есть и слава.
 Здесь чудеса такие виданы —
 В столицах не увидишь, право!

Ах, деревянная провинция!..
 Здесь Золушки у печек маются.
 Все ждут, бедняжки, встречи с принцами,
 А принцы в сказках лишь встречаются.

Здесь в мыльной пене над корытами
 Джульетты головы склоняют...
 Моя провинция забытая,
 Моя провинция родная!..

42

* * *

Какие времена! Какие сроки!
 Я тороплюсь, я все понять хочу.
 Истории бессмертные уроки,
 Как правила, прилежно заучу.
 Да, сей предмет не терпит пустословья,
 И я к доске, робея, выхожу
 И, чуя стук к вискам прильнувшей крови,
 Урок свой добросовестно твержу.
 Без исключений правил не бывает.
 Как я могла об этом позабыть?
 История мне вновь напоминает,
 Что следует внимательнее быть.
 Там, мелким шрифтом... Там, в конце страницы...
 Я холодею: как забыть могла?!
 Века мелькают... Судьбы... Чьи-то лица...
 И молча ждет учитель у стола.

* * *

Ты сложностью своею не кичись.
 Добра и Зла отчетливы границы.
 А если вслед окликнут — обернись
 И различи не лики только — лица.

44

Пусть сложен мир и сложен человек,
Лишь в простоте — великие начала.
Был сладостен усталому ночлег,
Голодному — и сухаря хватало.

Я простоты постигнуть не могу,
Когда над строчкой маюсь до полночи.
Так манят огоньки на берегу,
Но крепко спит под лодкой перевозчик.

Так близок кров, желанен так ночлег,
Но между ними пролегла граница.
Ты говоришь, что сложен человек?
Взгляни: как вольно пролетает птица!

* * *

В магазине женщины судачат
Сразу обо всем и ни о чем:
«Слышали? Семен отгрохал дачу,
А Василий — вывихнул плечо».
«Слышали? У Марьи поросенок
Заболел, а к вечеру подох...»
Новостью великой потрясенный,
Дед рассыпал по полу горох.
Ну, дела!

И нет конца и края
Этим пересудам, а молва,
Как река, течет, не убывая,

45

* * *

От деревни осталось название
Да еще бугорки в рядок,
Да вон там, подальше, в тумане
Зябко вздрагивает дубок.

Все деревья — под корень — срыли.
Этот чудом, видать, пророс.
И растет на забытой могиле
Жертва новых российских гроз.

Он растет посредине поля,
Посредине моей земли...
Не расплакаться мне от боли.
Надо мною летят журавли.

Я их крики прощальные слышу,
Но они возвратятся сюда.
Только кто-то под отчую крышу
Не вернется уже никогда...

На дубок молодой погляжу
Я глазами, от боли сухими,
И, как клятву, твержу и твержу
Про себя это скорбное имя.

47

И горохом сыплются слова.
Свысока на женщин я не гляну.
Вместе с ними молча постою.
Лица загорелые крестьянок
В этих женских лицах узнаю.
Перед ними счет мой не оплачен,
Я своей судьбой у них в долгу.
... В магазине женщины судачат.
Хлеба два часа сегодня ждут.

* * *

Бабка сказала: «Грех-то какой!
Праздник нынче — нельзя работать».
И целый день, позабыв покой,
Не присела — дела, заботы.
То накормит она цыплят,
То бельишко снимет с веревки...
Все-то ладно, все-то впопад,
Все-то вовремя так да ловко.
Бабке я говорю, шутя:
«Грех, Семеновна, праздник нынче...»
Бабку слова мои не смутят,
Мне отвечает она привычно:
«Праздник нынче, работать грех.
А это... Какая же это работа?
Людям да курицам разве на смех...»
И — утирает капельки пота.

46

* * *

Он выпил скверного вина
И, опьяняясь жизни скукой,
Жену в полночи гонял,
А утром — целовал ей руки.

А сын-подросток, зубы сжав,
Смотрел затравленным волчонком.
И в ненависти был он прав:
Он был и взрослым, и ребенком.

Он так хотел отца любить!
Он не прошел еще науки:
От скуки можно грязно пить
И — целовать, от боли, руки...

И, от стыда пьянея, вновь
Мечтать о забытии в бессилье,
Чтоб жалость к сыну и любовь
Так страшно душу не томили.

48

49

Там... эти самые... повыше —
Они не могут из газет,
А тут свернешь хоть «козью ножку»
И пашешь... Прямо от души!
Их семеро — с большой-то ложкой.
А ты попробуй — попаши!»
И с виноватою усмешкой
Спросил: «Скажи, так есть душа?
Один там... складно вроде чешет,
А — не понятно ни шиша!»
Мужик, прокуренный, угрюмый,
Такие выдохнул слова:
«Ты... это самое... не думай,
У нас душа еще жива.
И если только нужно будет,
За правду — можем постоять!
Как без души? Мы — тоже люди,
Мы — тоже можем понимать».

ЧУХЛОМЕ

Этот город — мне он снится.
Явь ли это? Или — сон?
Вижу здесь родные лица,
Колокольный слышу звон.

51

* * *

Стучусь к глухим — они не слышат.
Глазами смотрят и — не зрят.
Я поднимаю взор свой выше,
Где звезды чистые горят.

Без стука Он молитве внимлет,
И, грешница, о том молюсь,
Чтоб не оставил эту землю,
Чтоб сохранил Святую Русь.

Она жива еще и дышит.
Воскрес Христос, хоть был распят.
Стучусь к глухим — они не слышат.
Глазами смотрят и — не зрят.

* * *

Мужик с огромными руками
Мне говорил: «Ты не спеши.
Ты потолкуй маленько с нами
Для этой самой... для души!
Ты не смотри, что выпиваем,
Работать можем мы, поверь...
Мы только вот не понимаем —
Плю... этот самый... что за зверь?
Да вот еще хотим услышать,
Дадут нам курева аль нет?»

50

Узнаю — не узнавая,
Узкой улочкой бреду.
Словно вновь припоминаю
Этих уток на пруду,
Эту женщину в платочке,
Это озеро вдали...
Здесь был путь еще короче,
Липы, помню, там росли.
Из каких он выплыл далее —
Этот тихий городок
За туманами печалей,
За бессонницей дорог?
Узнаю — не узнавая.
Явь ли это? Или — сон?
Сладко сердце замирает,
Колокольный слыша звон...

* * *

Живу не в тереме, не во дворце.
Погнили досочки-то на крыльце.
Погнили, некому их заменить.
Тебя и пряником не заманить.
С народом я живу. Сама — народ,
Который душу-то не продает.
Нет, ни за доллары и ни за кровь...
Но дарит с радостью всю — за любовь.

52

Живу и верю я, что ты поймешь,
Однажды попросту — ко мне зайдешь,
Заменишь досочки-то на крыльце...
Живу с народом я — не во дворце.

* * *

«Все мало ей тряпок да хлама!» —
Ворчал он и думал о том,
Что помнится юная мама
В единственном платье простом,
Что даже картошка в мундире
Вкуснее пирожных была,
Что в этой музейной квартире
Ему не хватает тепла...
И пил из бутылки он прямо,
Все силился вспомнить — не мог:
Пальто-то хоть было ль у мамы?
Но видел лишь глины комок,
Приставшей на сиром кладбище,
Где мать он свою схоронил,
Где ветер бездомником свищет
Среди позабытых могил.

53

Кто-то выстрелил в пеструю стаю,
А потом еще долго и в smak
Толковали, что больно худая
Молодежь нынче... Хуже собак...

В ЗАБРОШЕННОЙ ДЕРЕВНЕ

Содрогается сердце от боли...
Запустения всюду содом:
Здесь солома записла на поле,
Там — пустыми глазницами дом
Смотрит в душу отчаянно прямо,
И Николы-угодника лик
Среди мерзости нищего хлама
Вдруг в проеме оконном возник.
Упражнялся здесь в меткости кто-то.
О кощунстве не ведал — подлец!
Всепрощающе, мудро и кротко
Смотрит с неба Небесный Отец.
И сжимается сердце от боли.
Научи меня, Боже, прощать
И за это вот нищее поле,
За деревни, за храмы, за мать,
За народ мой, на тьму обреченный,
Но во тьме забывший Тебя...
Как пронзителен ветер студеный,
Как сжимается сердце любя!

55

* * *

В захолустном глухом городишке,
Где все жители наперечет,
Под заплатанной ветхою крышей
В одиночестве бабка живет.

А точней, не живет — доживает.
Ест картошку, а в праздник — пирог.
Свои сорок рублей получает
Она точно в назначенный срок.

Все собаки в лицо ее знают,
Она кормит заблудших, худых,
И за это их пестрая стая
Охраняет ее от беды.

И, казалось бы, что в этом толку,
Что на свете так долго живет
Эта бабка, к тому ж — богомолка?..
Богомолки все — «темный народ».

Но собаки, представьте вы, знали,
Для чего эта бабка скрипит,
И надежно ее охраняли
От житейских невзгод и обид.

А когда этой бабки не стало,
Трое суток почти напролет
Стая пестрая так завывала,
Что не выдержал нервный народ.

54

* * *

Мои руки грубы от работы домашней,
А на сердце нежность такая зреет
К опустевшим лесам, к этой черной пашне,
Что сказать о ней я уже не смею.
Лишь, все чаще и чаще к земле припадая,
Я над нею рыдаю, чибисом плачу,
Потому что нежность к земле такая,
Что слова уже ничего не значат...

РОССИИ

И тела, и души разврат.
Унижены твои святыни.
Уж тризну праздновать спешат
Браги твои в глухой гордыне.

Но сквозь почти небытие
Живой твой голос ясно чую.
Кружится тучей воронье,
Но нежно горлица воркует.

И пахнет юною травой,
Что проросла на пепелище.
И голос горлицы живой
На сельском слышится кладбище.

56

* * *

В этом северном городке
Затерялась душа одиноко.
Здесь копили монеты в чулке
И сажали рябины под окна.

Пели песни о ней за столом,
Тосковали о чем-то нездешнем,
Но гордились своим ремеслом
И количеством клумб да скворешен.

Русский дух здесь витает везде,
И душа его слышит, и чует,
И растет, как зерно в борозде,
Но о чем-то нездешнем тоскует.

Средь рябин затерялась душа.
Не с того ли здесь так ей пустынно,
Что в чулке у нее — ни гроша,
Лишь горят под окошком рябины?..

* * *

Три месяца здесь прожила я и вот
Заметила вдруг с удивленьем:
Душа, словно птенчик, растет и растет,
Сменяется пух опереньем.

57

59

Мой час... Я его терпеливо ждала.
Природе нельзя торопиться.
И вот зашумели два вольных крыла
Свободной и трепетной птицы.

Душа — что журавль, чей осенний полет
Был точно природой назначен.
Как страстно она в поднебесье зовет!
И бьется, и стонет, и плачет...

* * *

В этой сумятице вздора и споров
Истины не отыскать.
Лучше одной на крутом косогоре
Тонкой ракистой стоять...

Лучше додумаю я свою думу
С Вечностью наедине.
Вольным, стозвонным и сладостным шумом
Дали откликнутся мне.

Вот она — Истина: небо и дали,
В сердце — любовь или мрак.
Что ж вы еще там, во тьме, увидали,
Гений, философ, чудака?..

58

* * *

Все это пройдено давно,
А начинаешь вновь с истока.
Чем старше, тем хмельней вино,
Чем дальше, тем темней морока:

Поэзии весенний бред
Смешал и спутал все устои.
Весною горький опыт лет —
Смешно сказать! — гроша не стоит.

Все — кувыркком, все — невсерьез,
Так, словно ничего не знаешь.
И даже горечь тайных слез
Как благодать воспринимаешь.

В ПАРКЕ

Прикованы в парке цепями качели,
И парк посветлел и притих.
Лишь сумрачно смотрят притихшие ели
На бедных собратьев своих.

Мне нравятся озера мерные всплески.
Постой. Помолчи. Не спеши.
Пусть ветер сырой, по-осеннему резкий,
Смятенной коснется души.

60

Он душу мою отчего-то волнует —
Холодный, российский, сквозной...
Так первая сладость мужских поцелуев
Волнует своей новизной.

* * *

Кольнуло болью: говорят, ты снова
С другой вчера встречался у реки.
Вот и сейчас в нарядном платье новом
Спешит она, мелькают каблучки.

Я слышала, что ей платочек тонкий
Вчера на шею бережно надел.
Меня ж сегодня — обошел сторонкой,
В глаза взглянуть ни разу не посмел.

Сказали, будто ей в любви открылся,
Слова все нежные вчера ей говорил.
Со мной ты молча у крыльца простился,
Когда домой с гулянья проводил.

* * *

Намок мой подол от холодной росы.
Черемухи буйство в крапивном овраге.
Вот рыжий мураш, растопорщив усы,
Пригрелся и дремлет на теплой коряге.

61

Не о том ли, как, радуя русскую душу,
Разносился малиновый звон?
Ах, зачем же стою, ах, зачем же я слушаю,
Не раздастся ли где-нибудь он?

Не о том ли, как пел соловей здесь весной,
А теперь никогда не поет?..
Из оврага лишь свежестью тянет лесною.
Безмятежный шиповник цветет.

* * *

Журавли заснули на земле,
Оставляя перья среди кочек.
Я люблю дыханье тополей
И березы крохотный листочек,
Сумерек весенних смутный бред,
Кваканье бесстыдное лягушек
И земной сверкающий рассвет
Посреди полей, а не подушек.
На земле проснутся журавли,
В небо унесется клич щемящий...
Я люблю простой цветок в пыли —
Весь земной, до боли настоящий.

63

Тревожно и горестно пахнет полынь,
А запах малины — медовый, манящий.
Крапивный заслон осторожно раздвинь —
Нет ягод крупнее, душистей и слаще!..

Тот праздничный, дивный, ликующий день
Остался за гранью черемухи дикой.
Здесь — царство прохлады, здесь —
вечная тень,
Приют соловьиный в кустах куманики.

Назойливо вьется и кружит оса —
Случайная гостья из знойного мира,
А мне все слышнее твои голоса,
Лесная, певучая, вольная лира!..

* * *

Каждый год я хожу к этой старой березе.
Муравейника больше здесь нет,
Но шиповник весной так младенчески розов,
Словно не было прожитых лет.

Я потрогаю ствол, прикоснусь, словно к другу,
И береза в ответ шелестит.
Не о том ли она, как февральская вьюга
По полям русской тройкой летит?

62

* * *

В зеленых сумерках сияла нам звезда,
И ветер навевал смешные грезы,
И глупым счастьем пахла лебеда,
И, дальние, уже гремели грозы.

Но ветер разорвал и разметал,
И все на целом свете перепутал.
Ты по осколкам бережно ступал,
И пролетали годы, как минуты.

Звезда сияет в сумерках души,
Осеннюю прохладой ветер веет.
Пусть по осколкам — все же поспеши
По призрачной, знакомой нам, аллее.

Нет, не устала верить я и ждать,
В зеленых сумерках звезда опять сияет.
Как радостно с тобою мне молчать!..
Пусть глупый ветер грезы навевает.

64

* * *

Манер утонченность, изысканность позы,
Желанье «казаться» и мужество «быть» —
Меняю на будни трагической прозы,
На боль: эту землю святую любить.
Любить беззащитно — пусть пошлость ликует,
Любить бескорыстно, открыто, взахлеб
Вот эту — до боли, до муки родную,
До пули смертельной в открытый мой лоб.
Ну можно ль так просто?

Ну можно ль так прямо?!

Но, Боже, помилуй ее и спаси!
Не дай им закончить кровавую драму,
Вновь крови пролиться не дай на Руси!
Не дай им, в актерском кривляясь экстазе,
Любить не любя, но — с ухмылкой у рта,
И, гримом лицо человечье замазав,
Свой шабаш справлять у Святого Креста!

СБОР ЯГОД

Я землянику собираю —
Божественный небесный труд,
И кажется земля мне раем,
Где насекомые живут.

65

* * *

Доченькой назвала,
«Как пахнут сирени!» — сказала,
Возле меня прошла
И скрылась в толпе у вокзала.
Но если на сердце вдруг
Смутные лягут тени —
Вспомню весенний луг
И «доченька, пахнут сирени...»

* * *

Я себя надеждою утешу.
В одинокой комнате моей
Шторы понаряднее повешу,
Чтобы было все, «как у людей»,
Праздничную выставлю посуду,
Стол накрою, сяду, помолчу...
Ах, людей обманывать нетрудно,
Как я обмануть себя хочу!

67

Вот муравей, большой и рыжий.
Он тащит что-то — не понять.
Я перед ним склонюсь пониже,
Чтоб труд великий увидеть.

Вот, легкокрыла и прозрачна,
Спланировала стрекоза
Столичной штучкою на дачу.
Какие у нее глаза!

Вот шмель, тяжелый и сердитый.
Ого! Подальше от беды.
Ему лишь не хватает свиты
Да на груди большой звезды.

Вдыхая ягод запах летний,
Легко подумаю о том,
Что нужно к вечеру успеть мне
Вернуться в дом.

Но всюду, всюду земляника!
И сосен шум, и летний зной.
А здесь ее!..

А там — взгляни-ка!

Нет, хватит.

Все.

Иду домой.

66

* * *

Вовсю горланят петухи,
Горбами выгнулись дороги,
А в чашах, темных и глухих,
Еще у елей стыннут ноги.

Но через малый ручеек
Не перейти уже в галошах,
И вербы крепкий кулачок
Раскрылся белою ладошей.

И на луга, и на поля
Проталинки грачиной стаей
Спустились,
и опять земля
Мне сердце запахом ласкает.

68

69

* * *

Неба утреннего прозелень.
Снег поскрипывает вкусно,
Как на грядке поздней осенью
Голубой кочан капусты.

Дым столбом стоит над крышами,
И, мохнатое от инея,
Как телок, шершаво лижется
Солнце рыженькое зимнее.

А берез сквозное кружево
От дыханья рассыпается.
Где же милый мой, где суженый,
Почему не появляется?..

71

УМИЛЕНЬЕ

Когда и кто, томясь от слез,
Восторга, красоты, волненья,
Вдруг вдохновенно произнес
Простое слово «умиленье»?
О умиление души!
Какая гамма чувств высоких!..
Мне никогда не разрешить,
Где древние твои истоки.
Какой высокий, чистый дух,
Земной любуюсь красотой,
Промолвил это слово вслух —
И тем лишил меня покоя?
Ищу ответ я: где нашел
Он сочетанье дивных звуков,
Какие школы он прошел,
Чтоб мне оставить эти муки,
Когда — страдая и томясь
От красоты, восторга — снова
Я слышу чувств высоких власть
И — не могу промолвить слово?

70

* * *

Не таю я обиды —
Не твоя то вина...
За околицу выйду:
Снег да снег... Тишина.

Я послушаю вечер,
Эту зимнюю грусть
И, когда станет легче,
В дом тихонько вернусь.

Но, помедлив у двери,
Я успею понять:
Чтоб любить, надо верить.
Просто — верить и ждать.

* * *

Не приручайте диких птиц.
У диких птиц — свои привычки:
Они не ведают границ,
Не молнии боятся — спички.

Для диких птиц — закон иной,
Чем для домашних попугаев.
Не насыпайте им зерно:
Они в неволе погибают.

72

Смотрите издали на них
И не пытайтесь их потрогать.
Любите всяких: добрых, злых, —
Какими созданы от Бога.

Не приручайте птиц всерьез.
Одну я приручить хотела
И пролила немало слез,
А птица... Птица — улетела.

* * *

В молчанье горестном покоя,
Когда предчувствия томят,
Окликни лишь, взмахни рукою
И — не гадай, кто виноват:

Судьба или иное что-то...
Какая грусть!.. Но оглянись —
Сияет легкой позолотой
Рябины праздничная кисть.

Что было — не вернется, знаю...
Но этот свет издалека,
Но нежность эта и тоска!..
Но — я тебя благословляю.

73

Там у них, мол, все «на уровне».
Пусть посмотрит, как там бабы
Не стоят такими дурами —
Мыслят крупно и масштабно.

Все распродано, все предано,
И не счесть теперь потери.
Обманулось сердце бедное,
А слезам Москва не верит.

* * *

Надежды тайной не лелею
И память в сердце не бужу.
Закат над пашнею алеет,
Ему навстречу выхожу.

Сияют огненные блики —
Живой и трепетный огонь.
Нет, не хочу тебя окликнуть,
Далёко улетел твой конь.

Я память в сердце не тревожу,
Не помню твоего лица...
И мне легко: на волю Божью
Я положилась до конца.

75

* * *

Ты снился мне ночью. Во сне я смеялась:
Не снился ты мне никогда.
А в небе всю ночь надо мною сияла
Одна голубая звезда.

Ты снился мне ночью. Я утром проснулась.
Мир светел был, как никогда.
И мне показалось: с окошка вспорхнула
Одна голубая звезда.

* * *

Обманулось сердце бедное
И поверило обману.
Все распродано, все предано,
Что — с прилавка, что — с экрана.

Оптом — что-то, что-то — в розницу
(Торговали и поштучно).
И рабочий сдал колхозницу
За бугор (мол, там ей лучше).

74

* * *

Веточка черемухи в стакане —
Сердца немудреная услада.
Ни чинов, ни почестей, ни званий —
Больше ничего ведь и не надо.
Веточка черемухи в стакане,
Не дразни так горьким ароматом!..
Разве ты не видишь: ветер пьяный
По лугам шатается несмятым?
Белые осыплет лепесточки,
Как фату с невесты, и, ликуя,
Унесет черемуховой ночью,
И до горьких слез он зацелует.

* * *

То ли от запаха полыни,
То ли от лепета раки
Бывает так:
 вдруг радость хлынет
И всю тебя насквозь пронзит.
И ты почувствуешь, что где-то,
В глубинных тайничках души,
Как будто ветерком задета,
Вдруг зазвенит струна в тиши.

76

Елена Львовна Балашова

ВЫСОКИЙ СВЕТ

* * *

Заколдованный мой круг —
Колокольчиковый луг.

Не поможет здесь отвага,
Не могу ступить ни шагу:

Всё — куда ни повернусь —
Колокольчики да Русь...

Издания Костромской писательской организации осуществляются в связи с принятой региональной программой изучения русской литературы.

За справками обращаться по адресу:
156005, г.Кострома, пл. Конституции, 1.
Костромская писательская организация.

Составление, общее и художественное редактирование — М.Ф.Базанков
Редактор — Е.А.Разумов
Художник — С.И.Лемехов
Техническое редактирование, компьютерный набор и оригинал-макет — А.М.Базанков

Издание осуществлено при участии
Костромской областной администрации

Сдано в набор 26.05.97г. Подписано к печати 25.06.97г.
Заказ № 5153. Печать офсетная. Объем 2 п.л. Тираж 2000 экз.

Отпечатано в областной типографии им. М.Горького
управления по делам печати и массовой информации
администрации Костромской области,
г. Кострома, ул.П.Щербины,2.